

Андрей Гордин

Рецепция романов Д.С. Мережковского в Латвии: по материалам латвийской прессы 1920–30-х годов

В статье речь пойдет о восприятии романов Д.С. Мережковского эмигрантского периода в Латвии в 20–30-х гг. Материалом послужили как латышские, так и русскоязычные периодические издания Латвии времени первой республики (1918–1940).

В эмигрантском дискурсе важность имени Дмитрия Сергеевича Мережковского сомнений не вызывает. И культурное пространство Латвии не является исключением. Те вопросы, которые ставит Мережковский в своих произведениях, находят отклик на страницах латвийской периодики, его сентенции вызывают интерес у представителей латвийской интеллигенции. Этим объясняется и обращение к его имени, идеям, творческим экспериментам многих латышских писателей.

Исследователи часто отмечают общность тенденций у представителей русской и латышской культур. Само становление *молодой* латышской литературы во многом представляется следствием развития связей с культурой русской в целом, и представителями русского Серебряного века, в частности¹. Следует учитывать особый путь латышей в определении своей национальной идентичности, поиск которой играет существенную роль в латышской культуре рубежа XIX–XX вв.

Конечно, здесь нужно обратить внимание на исторические условия, в которых формируется латышская культура. Как известно, территория Латвии долгое время находилась под немецким и русским влиянием, а до 1917 г. – входила в состав Российской империи. Исторический контекст того времени объясняет и некоторые характерные черты русско-латышских культурных связей. В первую очередь, представители образованных слоев латышского общества знали русский язык, а значит, имели возможность знакомиться с новейшими произведениями русских писателей в оригинале. Однако, уже в конце XIX в., когда определение национального статуса (вместе с возрастанием роли латышского языка) приобретает более широкую общественную значимость, в латышской печати, для привлечения более широкого круга читателей, появляются и переводы многих произведений русской классической и современной (*модернистской*) литературы. Во-вторых, в определении характера самих латышско-русских литературных связей значительное место занимает тот факт, что многие латышские писатели начинали свою творческую деятельность в Петербурге. Важную роль в их творческой судьбе сыграли прямые контакты с русскими писателями. Так, знаменитый латышский писатель Виктор Эглитис (1877–1945) находился в дружеских отношениях с А. Ремизовым, был представлен в салоне у Вяч. Иванова, переписывался с В. Брюсовым. И таких примеров было достаточно много (А. Аустриньш, Я. Карстенис и др.). Значимость этих контактов для дальнейшего развития латышской литературы определяется самой исторической ситуацией. В это время происходит осознание и адаптация определенных художественных методов и идей к *своей* национальной модели строительства и воспроизводства культурного кода на основании уже созданных в рамках *иной*, близкой культуры². Отсюда возникает тесная связь молодых латышских авторов с русскими писателями-символистами в начале XX в.³. Процессы, которые начинают происходить в латышском культурном пространстве после обретения Латвией независимости в 1918 г., являются, во многом, продолжением и дальнейшим развитием подобного рода взаимодействий.

¹ Напр., см.: Бергман, Инна. Из истории латышско-русских литературных отношений. Русская проза в Латвии в 1880-е годы. Рига: Латвийский государственный университет, 1979; *Latviešu literatūras vēsture: 3 sēj.* Rīga: Zvaigzne ABC, 1999; Kursīte, Janīna. *Latviešu dekadence. Dzeja* // Она же. *Mītiskais folklorā, literatūrā, mākslā.* Rīga: Zinātne, 1999, с. 394–419; Sprōģe, Ludmila, Vāvere, Vera. *Latviešu modernisma aizsākumi un krievu literatūras «sudraba laikmets».* Rīga: Zinātne, 2002; Tabūns, Bronislavs. *Modernisma virzieni latviešu literatūrā.* Rīga: Zinātne, 2008 и др.

² Здесь речь может идти не только о русской, но и других европейских культурах (например, немецкой).

³ Подробнее см.: Sprōģe, Ludmila, Vāvere, Vera. «Sudraba laikmets» un latviešu 20. gadsimta sākuma modernisti // Они же. *Latviešu modernisma aizsākumi un krievu literatūras «sudraba laikmets».* Rīga: Zinātne, 2002, с. 9–20.

Значимым фактором в это время становится многонациональный характер латвийского общества. Помимо деятелей непосредственно латышской культуры, достаточно специфическое место занимает здесь и русскоязычный сегмент. «Периферийный характер Риги (и Латвии – А. Г.) межвоенного периода» ставит под сомнение ценность ее литературной продукции. Однако следует, во-первых, учитывать «высокий уровень образованности населения и традиционно высокую культуру прессы (на разных языках) и чтения в балтийском регионе», что дает возможность говорить «об уникальных условиях для интеллектуальной деятельности». С другой стороны, «особенности этнического состава <...> придают» этой территории ярко выраженный «космополитический характер»⁴. В предисловии к изданию «Русская печать в Риге: из истории газеты „Сегодня“» авторы приводят красноречивые данные: «В 1925 году из общего числа жителей <...> латыши составляли 59%, остальные 41% образовывали национальные меньшинства». К тому же, «1920–30-ые годы отличались беспрецедентным богатством латвийской периодики: в тот период в Латвии вышло около 2000 газет, журналов и бюллетеней, причем поражает не только общее число этих изданий, но и число языков – десять, – на которых они выпускались»⁵. Таким образом, в это время Латвия являлась «наиболее многонациональным государством в Прибалтике»⁶.

Конечно, сложно говорить об особой роли Латвии в жизни русской эмиграции первой волны, сравнивая ее с Парижем, Берлином или Прагой. Однако пути русского рассеяния довольно часто проходили по этой территории. Географически, пограничный характер этого региона (область бывшей империи, соседствующая с Европой) вызывал определенный интерес со стороны русских беженцев как один из возможных маршрутов пути на Запад⁷. К тому же, достаточно большое количество русских (около 15000) эмигрантов обрело в Латвии новый дом⁸. Помимо всего прочего, нельзя забывать, что в сознании большинства уехавших из Советской России Латвия оставалась частью территории, входившей в состав *старой* родины.

Личность Дмитрия Мережковского вписывается в эту парадигму русско-латышских культурных связей. Своими художественными произведениями, критикой и публицистикой Мережковский был тесно связан в сознании многих латышских авторов первой половины XX в. с целым рядом литературных явлений, которые имели большое значение в становлении латышской национальной культуры.

В типологическом плане творчество Мережковского, наряду с творчеством В. Брюсова, Ф. Сологуба, А. Ремизова и других, может быть рассмотрено как некая эстетическая основа для формирования вкусов и литературных взглядов в среде латышских модернистов. Мережковский входит в оперативное поле латышской культуры как автор исторических романов, заметный

---

⁴ Флейшман, Лазарь, Юрий Абызов, Борис Равдин. Рижская газета «Сегодня» и культура русского зарубежья 1930-х гг. // Они же. Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford: Stanford University, 1997, с. 14.

⁵ Там же, с. 15.

⁶ Там же, с. 16.

⁷ Подробнее об особенностях состава русского населения в Латвии в 1920-30-е гг. см.: Абызов, Юрий. Латвийская ветвь русской эмиграции // Блоковский сборник XIII: Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996, с. 282-308.

⁸ Подробнее см.: Гусефф, Катрин. Послевоенная Европа и проблема русских беженцев // Она же. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы) / Пер. с франц. Эмили Кустовой. Москва: Новое литературное обозрение (серия Historia Rossica), 2014, с. 23-110. В книге «История Латвии. XX век» отмечается, что «русские (отдельно, а не русскоговорящие в целом, к коим относились представители и других национальных меньшинств, как то: евреи, поляки и др. – А. Г.) были самым большим национальным меньшинством в Латвии. К 1935 году на территории Латвии проживали 206 400 русских, что составляло 10,5 процентов общего населения Латвии» (см.: Latvijas vēsture. 20. gadsimts / Bleiere, Daina, Pļģvars Butulis, Inesis Feldmanis, Aivars Stranga, Antonijs Zunda. Rīga: Jumava, 2005, с. 189). Юрий Абызов в вышеупомянутой статье о русской эмиграции в Латвии приводит красноречивое высказывание из публикации В. Оболенского («Путевые наброски. Поездка по Прибалтике») 1930 г. (газета «Последние новости», № 3223): «Для нас, эмигрантов, покинувших Россию десять лет тому назад, уклад жизни в Эстонии и Латвии, пожалуй, теперь даже ближе, чем в подлинной России, где именно в области быта произошли огромные перемены» (Абызов, Юрий. Латвийская ветвь русской эмиграции, с. 287).

публицист, поэт, религиозный философ. Все эти номинации становятся важными в восприятии его творчества в Латвии.

Родственные тенденции в развитии национальных культур объясняются общими интересами их представителей. Говоря о характере латышского литературного процесса первой половины XX в., необходимо учитывать те особенности развития нового искусства, которые сопровождали его формирование. Автор исследования «Направления модернизма в латышской литературе» Бронислав Табунс (Bronislavs Tabūns) отмечает, что «в латышской литературе рубежа XIX–XX веков происходит стремительная европеизация, которая продолжается и в XX веке. Причем, наряду с развитием романтических и реалистических тенденций, о себе начинают заявлять и новые течения, которые в европейских культурах (французской, немецкой, русской и др.) возникли раньше <...> Декадентский этап латышской литературы в большей степени рассматривается как совокупность различных стилей и направлений, в меньшей степени – в соответствии с отдельными направлениями – неоромантизмом, импрессионизмом, символизмом»⁹.

Исследуя рецепцию идей Дмитрия Мережковского, речь следует вести, безусловно, о восприятии символистской картины мира. В первую очередь, в нем видят представителя русского символизма и обращают внимание на его произведения с этой точки зрения. Перед нами, как в текстах самого Мережковского, так и в творчестве других русских символистов, предстает особого рода система художественного текста, которая по-новому рассматривает и применяет конкретный исторический / культурный материал. Уже в период эмиграции этот ракурс несколько сместится в сторону религиозной публицистики, о чем будет сказано ниже.

Знакомство латышского читателя с произведениями Мережковского происходит ещё в самом начале XX в. Внимание к Мережковскому и его произведениям в латышской аудитории было выражено, с одной стороны, переводами его текстов на латышский язык (их в течение первой половины XX в. вышло около 40), которые, в свою очередь, были сделаны известными литераторами (Антоном Аутриньшем, Карлисом Крузе, Эдвардом Вирзой, Янисом Карстенисом, Линардом Лайценсом). С другой – появлением рецензий, как на переводы больших исторических романов, так и на выход его новых книг.

Первый перевод произведения Мережковского (речь идет о стихотворении 1890 г. «Одиночество») на латышский язык появляется в 1901 г.¹⁰. Он был выполнен известной латышской поэтессой, драматургом и критиком Аспазией, перу которой принадлежит и одно из первых упоминаний имени Мережковского в латышском медийном пространстве. Речь идет об обзоре «Новейшей русской лирики» (1901), в котором Аспазия определяет русского писателя как «представителя философской поэзии чуждого эксперимента, образованного, склонного к большим эпическим формам»¹¹. В дальнейшем были выполнены переводы на латышский язык и некоторых других стихотворений Мережковского¹².

Рецепция Мережковского в Латвии в первой половине XX в. претерпевает ряд существенных изменений, как, собственно говоря, и его оригинальное творчество.

В первую очередь, Мережковский представлен в рамках латвийского культурного пространства как автор исторических романов. Таков, например, посыл заметки, опубликованной в 1924 г. в газете «Латвис» в рубрике «Литературная хроника», – «Романы о Тутанхамоне»¹³. Автор этого небольшого анонса¹⁴ отмечает, что «книга Мережковского повествует об истории Египта.

⁹ Tabūns, Bronislavs. Modernisma virzieni latviešu literatūrā, с. 28, 39.

¹⁰ Merežkovskis, Dmitrijs. Vientulība / Пер. с рус. Аспазия // Dienas Lapa, № 30, 1901, с. 2.

¹¹ Aspazija. Jaunākā krievu lirika // Dienas Lapa, № 30, 1901, с. 2.

¹² Напр. см.: «Vai mūžam nesaprastu...» («Ужель мою святыню...») / Пер. с рус. Карлис Круза // Mājas Viesis, № 27, 1909, с. 9; «Tercīne» («Микель-Анжело»: «Тебе навеки сердце благодарно...») / Пер. с рус. Эдварт Вирза // Latvija, № 162, 1911, с. 1; «Dzejnieks» («Поэт»: «Сладок мне венец забвенья темный...») / Пер. с рус. Янис Карстенис // Jauno Latviešu Avīžu Literārais pielikums, № 57, 1914; «No dienas grāmatas» (цикл «Из дневника») / Пер. с рус. Ф. Зиемаделс // Latvijas Avīzes Literāriskais pielikums, № 9, 1914, с. 34; «Rudenī» («Осенью в Летнем саду»: «В аллее нежной и туманной...») / Пер. с рус. Янис Карстенис // Dzimtenes Vēstnesis, № 232, 1916, с. 1.

¹³ Tutanhamena romani (Literatūras hronika) // Latvis, № 952, 1924, с. 5.

¹⁴ Имя автора этой статьи не указано.

Это новый роман из серии „Восточных тайн”. Произведение Мережковского ставится в один ряд с романом английского египтолога Артура Вейгалла «Эхнатон. Фараон-вероотступник». Делается акцент на том, что перед нами научное «исследование о революционных изменениях в истории Египта»¹⁵. В предисловии к переводу романа «14 декабря»¹⁶ переводчик, Волдемар Дзелтыньш, пишет, что «это мастерски написанный роман, в котором сведены воедино точные научные данные и занимательный сюжет. Сам текст написан увлекательным языком, исторические подробности переплетаются с увлекательным сюжетом. Скрупулезно и абсолютно точно, на фоне реальных событий автор представляет перед читателями эту трагедию настоящих идеалистов». И далее автор предисловия отмечает: «Необходимо отметить, что история декабристов очень тесно связана и с событиями современности – революцией 1905 года <...> Декабристы – понятие в большей степени всемирное, чем просто конкретно-историческое»¹⁷.

Похожие оценки были даны многими латышскими рецензентами произведений Мережковского в начале XX в.: статьи Харальда Элдгаста¹⁸ и Андрея Упита¹⁹ о романе «Юлиан Отступник», А. Розенталя²⁰ – на публикацию латышского перевода романа Мережковского «Петр и Алексей»²¹. Следует отметить, что к началу 1920-х гг. на латышский язык были переведены все романы Мережковского доэмигрантского периода²².

Авторы этих статей указывают и на следование Мережковским традиции русской классической литературы XIX века. Например, в уже упомянутом предисловии к «Юлиану Отступнику» Х. Элгаст указывает на особый, *религиозный* характер русской литературы в целом, включая тексты Мережковского в эту систему координат: «В религиозном смысле русский народ является наиболее одаренным во всем мире. Русские писатели (такие как Федор Достоевский, Лев

---

¹⁵ Там же, с. 5.

¹⁶ В латышском переводе – «Dekabristi»

¹⁷ Dzeltiņš, Voldemārs. Ievadam // D. Merezkovskis. Dekabristi / No krievu valodas tulkojis Voldemārs Dzeltiņš. Rīga: Grāmatu draugs, 1927, с. 5-14. В латышском варианте романа Мережковского это «Предисловие» («Ievadam») служит и исторической справкой об истории России рубежа XVIII-XIX вв. Оно посвящено рассказу о декабристах как общественном явлении того времени. Сам роман Мережковского для автора и переводчика служит не только достоверным источником, но художественным произведением, в котором события прошлого переплетаются с событиями современности. Именно такой ракурс и привлекает внимание многих латышей к произведениям Мережковского: не история, но нечто большее, связанное с сегодняшним днем.

¹⁸ Eldgasts, Haralds. D. Merezkovskis. «Dievu nāve (Julians Atkritejs)». Priekšvārds // Latvija, № 228, 1908, с. 2. Позднее это предисловие Х. Элдгаста вошло в отдельное полное издание романа Мережковского «Смерть богов» на латышском языке (D. Merezkovskis. «Dievu nāve (Julians Atkritejs)». Rīga: A. Gulbis, 1927).

¹⁹ Upiņš, Andrejs. D. Merezkovska «Juliāns Atkritejs» // Dzimtenes Vēstnesis, № 42, 1909, с. 6.

²⁰ Rozentals, Alfrēds. «Peteris un Aleksejs» D. S. Merezkovska // Latvija, № 215, 1910, с. 2, 5.

²¹ В данном случае, перевод может быть определен как одна из форм рецепции – восприятия оригинального текста в инациональном культурном пространстве. Переводной текст может быть рассмотрен и как оригинальное творчество переводчика, который ориентируется на свое собственное восприятие того или иного произведения. Немаловажную роль здесь играет и выбор конкретного произведения для перевода. Сам перевод может представлять как раз художественную программу переводящего, а не автора оригинального текста. На эту «эстетическую» составляющую во многом влияет и тот выбор, который делает переводчик перед оригинальным произведением.

²² Так, в 1908 году в газете «Латвия» («Latvija») печатается перевод романа Мережковского «Юлиан Отступник» («Julians Atkritejs»), который был выполнен Антоном Аустриньшем. Он же переводит и роман «Петр и Алексей» в 1910 году, с пометой «с разрешения автора». Следует отметить, что в это же самое время А. Аустриньш вместе с Эдвардом Янсоном переводит на латышский роман Л.Н. Толстого «Воскресение» («Augšamcelšanās»). В 1912 году Август Мелнакснис переводит роман «Александр I» («Aleksandrs I») с той же пометой. Ему же принадлежит неоконченный вариант перевода драмы Мережковского «Павел I» (1911). Уже в 20-х гг. все они появляются отдельными изданиями. В годы латвийской независимости (1918-1940) на латышском языке выходят романы «Леонардо да Винчи. Воскресшие боги» (D. Merezkovskis. Leonardo da Vinči (Dievu atdzimšana). Rīga: Leta, 1924; перевод был выполнен Линардом Лайценом) и «14 декабря» (D. Merezkovskis. Dekabristi. Rīga: Grāmatu draugs, 1927; перевод Волдемара Дзелтыньша). Следует отметить, что интерес В. Дзелтыньша к жанру исторического романа вообще (и к романам Мережковского, в частности) возник неслучайно. В это время он переводит и романы Генрика Сенкевича: «Крестоносцы» («Krustneši», 1930), «Огнем и мечом» («Ar uguni un zobeni», 1930), «Потоп» («Plūdi», 1931), «Пан Володыевский» («Pan Volodijevskis», 1931), «Quo Vadis» («Kurp eji?», 1935). Все эти переводы вошли в собрание сочинений Г. Сенкевича в 24 томах, которое выходило в Риге под редакцией самого В. Дзелтыньша (см.: Henrika Senkeviča Kopoti raksti / Voldemāra Dzeltiņa redakcijā. Rīga: D. Zeltiņš un A. Golts, 1930-1936).

Толстой, Вл. Соловьев) являются не только пророками, но и реформаторами, жаждущими возрождения человечества, погрязшего во вселенском зле. Для них очень важным становится защитить человека как индивида от диссонансов всемирной истории, раскрыть в его внутреннем мире духовные силы, способные противостоять распаду общества. В их ряду стоит и Мережковский»²³.

Постепенно религиозная составляющая представляется основной в прочтении латышскими публицистами текстов Мережковского. Да и изменение структуры романов Мережковского: от привычной для художественного произведения к более или менее пограничным жанровым формам²⁴, – отразился и на прочтении его произведений в латышском литературном пространстве. В конечном итоге это позволило известному латышскому философу Константину Раудиве определить весь творческий путь Д. Мережковского как путь через человека к Богу, направленный к преодолению человеческого бытия и ищущий выход во вневременное / внеисторическое измерение. В своем эссе, посвященном Мережковскому, Раудиве пишет: «Религиозные люди сейчас – редкость <...> Один из них – Дмитрий Мережковский, для которого жизнь была путешествием через человека к Богу <...> То, что начали Соловьев, Достоевский и Толстой, Мережковский закончил как непоколебимый апостол богочеловечества, вместивший в свое сознание не только плоды русской культуры до ее духовной гибели, но и, в большей степени, все, что даровала миру христианская культура. Его сознание принадлежало всем векам, и в нем, как в божественной призме, отразилась мировая душа»²⁵. Эта характеристика наглядно показывает отношение латышской критики к произведениям Мережковского периода эмиграции.

Итак, тесная связь истории, религии, философии и русской классической литературы при восприятии Мережковского-писателя, частотность и в самом деле знаковость переводов его художественных произведений, позволяют говорить и о внимании со стороны латышской аудитории к самой фигуре Мережковского.

Немаловажную роль в этом сыграло и появление в Риге крупной русскоязычной газеты «Сегодня», которая выходила вплоть до конца 1930-х гг. На ее страницах, помимо большого числа известных к тому моменту русских литераторов, неоднократно появляются как отрывки из новых сочинений Мережковского, так и рецензии на них сотрудников газеты. С завидной регулярностью «Сегодня» реагирует на появление книг Мережковского в печати.

С одной стороны, его воспринимают как беллетриста – печатаются отрывки из его последних романов («Иисус Неизвестный», «Франциск Ассизский», «Жанна д'Арк», «Борис Годунов и Григорий Отрепьев на мельнице» с авторским подзаголовком «из неоконченной повести „Дмитрий Самозванец“»). С другой – как одного из авторов номеров, посвященных русским писателям²⁶.

Конечно, характер этих публикаций объясняется вкусовыми предпочтениями местной публики. Для русскоязычной аудитории Латвии, как и для большинства латышей, Мережковский – известный и популярный писатель, автор исторических романов, один из основателей русского символизма – корифей русской литературы²⁷. Следовательно, присутствие его имени на страницах газеты придает авторитетность, весомость самому изданию.

²³ Eldgasts, Haralds. Priekšvārds, с. 2.

²⁴ Религиозно-философское эссе с элементами биографии, романы с элементами жития, философская публицистика («Тайна Трех», «Тайна Запада», «Иисус Неизвестный», «Наполеон», «Данте» и др.). Сюжет отходит на второй план; на первом плане – концепция, выражению и доказательству которой подчинен текст.

²⁵ Raudive, Konstantīns. D.S. Merežkovskis – reliģiozais cilvēks // Он же. Laikmeta atjaunotāji. Bruklina: Grāmatu draugs, 1976, с. 39-40.

²⁶ Печатаются статьи Д.С. Мережковского о Достоевском (Угль пылающий // Сегодня, № 39, 1931, с. 2.), о Гоголе (Гоголь и Россия // Сегодня, № 159, 1934, с. 2), о Пушкине (Мудрость Пушкина // Сегодня, № 38, 1937, с. 4).

²⁷ Один из ведущих критиков «Сегодня», заведующий литературным отделом газеты Петр Пильский, определяет личность и творчество Дмитрия Мережковского так: «Навсегда останется исторической заслугой Мережковского его открывательство новых культурных областей, его чуткое и жадное восприятие новых, казавшихся ему спасительных, веяний <...> Зачинателем русского символизма был всё-таки он, а не Брюсов» (Пильский, Петр. О Мережковском (Заметки) // Сегодня, № 344, 1935, с. 3).

Однако, сложные историософские концепции, религиозно-философское содержание, постоянное обращение к различным историческим эпохам являются достаточно сложным материалом для издания, ориентированного на широкую читательскую аудиторию. Особая стратегия работы с читателем, который желает видеть в общественнополитическом издании больше актуальной информации и *занятого* материала, отражена и в переписке редакции «Сегодня» со многими писателями русского зарубежья²⁸.

Ориентированность издания на массового (в данном случае – *периферийного*) читателя определяет стратегию газеты, как в отборе публикуемого материала, так и в представлении новинок книжного рынка. При этом сами рецензии несут в себе некую образовательную функцию (повышение уровня читательской аудитории, знакомство и приобщение к высокой литературе и т.д.).

Отзывы на романы Мережковского появляются с завидной регулярностью как в газете «Сегодня» (1923 – 1939)²⁹, так и в различных латышских изданиях³⁰. Как уже было отмечено выше, к этому времени были переведены на латышский язык все романы Мережковского доэмигрантского периода творчества. В 1920–30-е гг. переводятся фрагменты и из его новейших произведений: 1930 – «Тайна Запада. Атлантида – Европа» (в латышском переводе – «Atlantīde»); 1934 – выдержки из романов «Наполеон» и «Иисус Неизвестный». Появляется и ряд критических отзывов на эти сочинения на страницах латышской периодики.

Петр Пильский³¹, автор большинства рецензий на романы Дмитрия Мережковского, делает акцент на особом восприятии Мережковским исторической действительности, его склонности к пророчествам и предупреждениям, сопоставлению ряда мифов с событиями современности не с точки зрения историка, но с позиции религиозного мистика³². Отмечается эрудиция,

---

²⁸ Так, в апреле 1934 года редактор газеты Михаил Мильруд в письме к Михаилу Осоргину пишет следующее: «Вот у нас опять неудача с Вашим фельетоном о Фотие... [так в цит. ист. – А. Г.] появление <которого> у нас по местным условиям абсолютно немислимо. У нас совсем другой тип читателя, чем у „Последних Новостей”» (Мильруд, Михаил – Осоргину, Михаилу. 28 апреля 1934 г. // Флейшман, Лазарь, Юрий Абызов, Борис Равдин. Русская печать в Риге: из истории газеты Сегодня 1930-х годов: в 4-х кн. Книга III. Конец демократии. Stanford: Stanford University, 1997, с. 432). Или, в письме Максима Ганфмана к Зинаиде Гиппиус от 3 марта 1933 г., редактор газеты признается, что «газета вынуждена отдавать преимущество так называемому занимательному материалу» (Ганфман, Максим – Гиппиус, Зинаиде. 3 марта 1933 г. // Флейшман, Лазарь, Юрий Абызов, Борис Равдин. Там же, с. 122). На недостаточное количество критики сетует и Петр Пильский в письме к всё той же З. Гиппиус от 3 марта 1933 г.: «У нас в газете, действительно, для критики мало места». При этом Пильский отмечает, что «мы, конечно, Вас не забыли и не забываем и всегда рады Вашим статьям. Печатаем их с глубоким удовольствием» (Пильский, Петр – Гиппиус, Зинаиде. 3 января 1933 // Флейшман, Лазарь, Юрий Абызов, Борис Равдин. Там же, с. 121).

²⁹ Пророчества о конце мира // Сегодня, № 116, 1923, с. 3 (о «Тайне Трех»); Д.С. Мережковский. Тайна трёх // Сегодня, № 204, 1935, с. 7; Пильский, Петр. Наполеон // Сегодня, № 93, 1929, с. 3; П-ский, П. Д.С. Мережковский. Наполеон. Т. II // Сегодня, № 164, 1929, с. 8; Трубников, П. Спасение или конец? О новой книге Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный» // Сегодня, № 285, 1932, с. 3; Стогов, Ф. Гибнущему миру. Новый второй том книги Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный» // Сегодня, № 262, 1933, с. 2; Вельский, Р. Предостережение о гибели. Новая книга Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный» т. II, часть 2-ая // Сегодня, № 144, 1934, с. 2; Пильский, Петр. Святой, близкий к нам. Новая книга Д.С. Мережковского «Павел» // Сегодня, № 224, 1936, с. 3; Трубников, П. Святой интеллигент // Сегодня, № 276, 1936, с. 4; Вельский, Р. Пятое колесо в телеге. Новая книга Д.С. Мережковского: «Франциск Ассизский» // Сегодня, № 163, 1938, с. 3; Вельский, Р. Хвостатые. О новой книге Д.С. Мережковского «Жанна д'Арк» // Сегодня, № 227, 1938, с. 3; Пильский, Петр. Заветы мертвых. О новой книге Д.С. Мережковского «Данте» // Сегодня, № 235, 1939, с. 2.

³⁰ В рамках данного сюжета разделять по языковому принципу эти статьи не представляется актуальным, так как речь идет об общем историческом контексте и одной географической области.

³¹ Петру Пильскому принадлежал целый ряд псевдонимов, под которыми он выступал на страницах газеты «Сегодня». Подробнее о псевдонимах Пильского см.: Писатели и критики русской эмиграции о Д.С. Мережковском // Д.С. Мережковский: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. Александра Николоюкина. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 2001, с. 560-564, с. 563; Меймре, Аурика. «Простачок», «Е. Сергеев», «Наблюдатель», «Питирим Моисеев» – они же Петр Моисеевич Пильский // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под редакцией Манфреда Шрубы и Олега Коростелева. Москва: Новое литературное обозрение (серия: Научная библиотека), 2016, с. 207-218.

³² См.: «Д.С. Мережковский всегда имел склонность к пророчествам, к отыскиванию сокровенного смысла писаний и событий. Проницаниями полны не только его философские, но и художественные произведения. Предчувствия великих

литературность Мережковского, что придает его романам убедительность исследования. Мережковский предстает в этих статьях «неизменно верным себе, последовательным в своем философском миропонимании»³³, «в его голосе слышатся сокрушения о слепоте человечества и современности»³⁴, а его произведения кажутся наполненными вечными символами, которые «остаются, живут», на их страницах «далекое прошлое протягивает свои руки к настоящему», «ямы, пропасти, западни которого вдруг освещаются ясным светом, и тупики становятся раскрытой дверью, отверзтой в будущее»³⁵. «Эти подсказы, проблески, перезвон и перекличка столетий оживают, слышатся и торжествуют в книге русского писателя. Его выводы упрямы и неизменны, его предостережения угрюмы»³⁶, в них «много грусти, – она исторгается верующим сокрушенным сердцем»³⁷. Все это определяет «глубоко современное значение писаний Мережковского», так как, «говоря о былом, он говорит о настоящем»³⁸. И все эти «искания, чаяния Мережковского во многом должны стать для всех нас, если не новым откровением, то хотя бы могущественным, самым серьезным предостережением»³⁹, а его книги «предречений и предостережений», в которых речь идет не столько «о данных пророчествах, – этот голос звучит, как предчувствие кары, как тревога за наш завтрашний день»⁴⁰.

В рамках подобной характеристики воспроизводится рецептивный образ Мережковского-романиста в Латвии, в котором религиозно-философский сегмент начинает вытеснять собственно художественную составляющую его текстов. Сам же Мережковский позиционируется «не как историк, но как толкователь выводов». В центре его произведений могут находиться древние сообщества, которые, «несмотря на индивидуальное безверие, никогда не теряли божественного откровения. Но когда у общества отнимают его религиозную связь, оно разваливается, из живой плоти превращается в мертвую массу. Человек не может верить один. Но в наше время религиозная атмосфера становится столь сжижена, что нечем дышать <...> Можно сомневаться в понимании Мережковским мифов, но эти разгадывания несомненно интересны и глубокомысленны <...> В языческих культах Мережковский видит христианство»⁴¹.

В целом, религиозная составляющая творчества Мережковского, а одновременно с этим, – и восприятие самого автора как религиозного мыслителя, выступает как одна из основных черт его творчества среди латышей. Поэтому нет ничего удивительного, что имя Дмитрия Мережковского появляется и на страницах изданий, посвященных религии. В этих публикациях, по большей части, указывается на несоответствие позиции Мережковского традиционному толкованию фигуры Христа⁴².

потрясений, великих катастроф ощущается в сочинениях, писанных им еще до наступления смутного времени <...> Теперь, когда апокалиптические настроения после всего, что произошло, после войны и революции захватили сердца и души многих, дотоле бывших им совершенно чуждыми, естественно, что Мережковский еще более углубился в эту таинственную и столь завлекательную область» (Пророчества о конце мира. Там же, с. 3).

³³ Пильский, Петр. Наполеон. Там же, с. 3.

³⁴ Пильский, Петр. Заветы мертвых. Там же, с. 2.

³⁵ Вельский, Р. Хвостатые. Там же, с. 3.

³⁶ Вельский, Р. Пятое колесо в телеге. Там же, с. 3.

³⁷ Стогов, Ф. Гибнущему миру. Там же, с. 2.

³⁸ Трубников, П. Святой интеллигент. Там же, с. 4.

³⁹ Пильский, Петр. Святой, близкий к нам. Там же, с. 3.

⁴⁰ Вельский, Р. Предостережение о гибели. Там же, с. 2.

⁴¹ Ауэра Далэ, «Три книги Мережковского» (о «Тайне Трех», «Рождении богов», «Мессии»). См.: Dāle, Austra. Trīs Mērežkovska grāmatas // Daugava, № 5, 1929, с. 109-112.

⁴² В 1937 г. на страницах журнала «Католическая жизнь» («Katoļu Dzeive»), выходившего на латгальском языке, появляется заметка «Иисус Христос в мировом освещении». В ней находится место и для отклика на роман Мережковского «Иисус Неизвестный». Автор статьи пишет, что «в этой книге очень много неточностей, Мережковский хочет убедить нас, что каждый сам для себя должен познать, кто такой Христос». И те из читателей, кто еще «не ощутил Спасителя, могут остаться с „Иисусом Неизвестным“ – с винтовкой и штыком в лесу, с пушкой и деньгами. Они управляемы ими» (см.: Jezus Kristus pasaules gaismā // Katoļu Dzeive, № 12, 1937, с. 2-3). Содержание же романов Мережковского, избираемые им сюжеты признаются разрушительными для самой религии. В журнале «Labiētis» было отмечено, что «первыми разрушителями христианства следует признать реформаторов, так как до них не было существенной критики церкви. В этот круг включается и Данте, на которого среди прочих указывает Д. Мережковский в

При постепенном смещении вектора развития текстов Мережковского (перехода с середины 1920-х гг. от художественной структуры произведений к подобию научного исследования) латвийские рецензенты все же не обходят вниманием и художественные достоинства его романов. Несмотря на сложные философские конструкты и методы научно-исторической аналитики, которые все чаще начинает применять Мережковский⁴³, в сознании массового читателя он остается писателем-историком – автором исторической прозы. И, соответственно, акцентированность на художественной составляющей является одной из задач рецензента его произведений.

При всех тех изменениях, которым постепенно начинают подвергаться произведения Мережковского, его романы 1920–1930-х гг. «пленяют читателя, как сладкий аромат увядания»⁴⁴, во всех «картинах», представленных Мережковским, «вдохновение поэта сочеталось с прелестью изумительной простоты»⁴⁵, свою задачу он выполняет «с большим литературным искусством, пылающим внутренним огнем»⁴⁶. В книгах Мережковского «романист идет рука об руку с историком, довольно часто переходя к форме беллетризованного повествования и создавая „апокрифы“, поражающие великолепием фантазии»⁴⁷, в которой «покоряет язык поэта, живое чувство историка, глубокая взволнованность мистика»⁴⁸. В итоге, «у него пророчествуют могилы, и голоса мертвецов то нашептывают, то явственно и громко обличают, сожалительно или беспощадно, – мертвые повелевают»⁴⁹, а «удивительно широкие познания и разносторонние занятия писателя, с помощью которых он поясняет свои короткие, но все-таки необыкновенно понятные заключения, захватывают читателя парадоксальностью и глубиной мысли»⁵⁰.

своей книге „Данте“» (Reiznieks, Valdemars. Reliģiju ģeneze // Labietis, 1939, № 6, с. 16-36, с. 31). Тут следует учитывать, что постепенно со времени обретения независимости в Латвии шел процесс поиска идей для строительства национального государства. Многие выступали за общество, основанное на традиционном для латышей базисе (*народная религия*, граничившая с неоязычеством). Самое известное из подобных движений носило название *диевтуриба* (*dievturība* – почитание одного бога, Диевса). Оно было тесно связано с латышским фольклором и народными (*языческими*) представлениями (подробнее см.: Рыжакова, Светлана. Dievturība. Религиозно-национальная идея и ее реализация в Латвии // Неоязычество на просторах Евразии / Сб. статей, сост. Шнирельман, Виктор. Москва: Библейско-богословский институт святого апостола Андрея, 2010, с. 55-81). У представителей диевтурибы было свое периодическое издание – журнал «Лабиегис» («Labietis»), который начинает выходить с 1933 г. В этом журнале неоднократно встречаются выпады против христианства – религии, которая, по мнению приверженцев диевтурибы, не соответствует латышскому духу и образу жизни (хотя сами латыши, по преимуществу, – протестанты и католики). В этом контексте встречается и Мережковский – знаменитый писатель, имя которого достаточно упомянуть, чтобы представить читающей публике суть высказывания: «Если латышу показать пример истинного христианства, например, каким в свое время был Франциск Ассизский (которого потрясающе представил Д. Мережковский в своей новой книге), то он сорвет все с него и скажет, что так не пойдет, потому что образ жизни Франциска совсем не соответствует жизни латыша и его природе» (Гоба, Алдис. Ради нашего единства – Aldis Goba. Mūsu vienībai // Labietis, № 5, 1939, с. 13). К тому же, Мережковский пишет о религии, но его точка зрения расходится с церковной. И в этом смысле известный писатель, сомневающийся в догматическом христианстве, как нельзя лучше подходит стремящейся к единству и жаждущей собственного духовного откровения и обновления читательской аудитории.

⁴³ Выдвижение на первый план собственно «идеологической» (историософской) составляющей, ее преобладание над художественной стороной произведений. На примере эмигрантского творчества Дмитрия Мережковского мы можем наблюдать создание собственного «историософского бытия», которое подчиняет и структуру художественного произведения. При этом, не столько сам исторический материал, сколько его переосмысление (на основании концепции Мережковского – «Трех Заветов») становится основным принципом работы Мережковского в эмиграции.

⁴⁴ Dāle, Austra. Trīs Mērežkovska grāmatas, с. 12. Как один из самых удачных приемов, который использует Мережковский в своих романах, А. Дале называет «периодическое повторение предложений и образов, что вызывает в памяти те методы, которые использовал в своей музыке Вагнер» (Dāle, Austra. Там же, с. 111). Воспоминание, позволяющие в процессе повествования узнать о прошлом героев, и, тем самым, познать настоящее и будущее через припоминание посредством отдельных символов, постоянно возвращая читателя к главной идее произведения (повторы на уровне фабулы у Вагнера).

⁴⁵ П-ский, П. Д.С. Мережковский. Наполеон. Том II, с. 8.

⁴⁶ Трубников, П. Спасение или конец? О новой книге Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный», с. 3.

⁴⁷ Roze, Jūlijs. Nepazīstamais Jēzus // Daugava, № 10, 1932, с. 106.

⁴⁸ П-ский, П. Д.С. Мережковский. Наполеон. Том II, с. 8.

⁴⁹ Пильский, Петр. Заветы мертвых. О новой книге Д.С. Мережковского «Данте», с. 2.

⁵⁰ Bankavs, Jānis. «Atlantīde – Eiropa» jeb otrais pasaules karš un Eiropas bojā iešana (Piezīmes par D. Mērežkovska grāmatu «Atlantīde – Eiropā») // Ceļotājs, № 3-4, 1931, с. 18-22.

По частотности обращений местных публицистов из всех романов Дмитрия Мережковского выделяется книга о Наполеоне⁵¹. Пожалуй, это объяснимо с точки зрения общеевропейского исторического и политического контекста: поиск некоей героической личности в истории европейских народов, которая послужила бы примером для выхода из кризисной ситуации конца 20-х гг.⁵².

В связи с романом «Наполеон» обращает на себя внимание и статья Александра Яблоновского «Навязчивые идеи». В центре внимания автора этого материала оказывается не роман, но парижские лекции Д.С. Мережковского о Наполеоне, которые были им прочитаны в самом начале 1927 г.⁵³.

Яблоновский видит главную причину трагедии Мережковского в его постоянном увлечении своей единственной *навязчивой идеей* – борьбой Христа с Антихристом, – и всевозможными сближениями, на ней основанными. «Увы! И Наполеон подал повод к самым соблазнительным изысканиям и сближениям и, в конце концов, оказалось, что это был не император и не полководец, а как бы Антихрист и как бы Христос в одно и то же время. Остров Святой Елены – это Голгофа. Подвиг Наполеона – это подвиг Христа <...> Я не знаю, для чего это нужно талантливому писателю. Но мыслить вне этих категорий он, по-видимому, или не хочет, или не может. Как слесарь, отправляясь на работу, всегда берет с собой слесарный инструмент <...>, – так берет с собой „инструмент” и Мережковский: Антихриста, „мировую тайну”, ангелов, Вифлеемскую звезду и пр. <...> Мережковский два дня сряду жонглировал этими антиподами, как фокусник мячами. И все у него выходило очень красиво, очень божественно, и все, конечно, чуть-чуть закрыто „мировой тайной” и „тайной трех”... Иной вопрос, разумеется, для чего эти кружева плетутся и кому они нужны»⁵⁴.

Появление в печати этой статьи А. Яблоновского – один из немногих примеров *критического* подхода в оценке деятельности Мережковского в эмиграции на страницах латвийских изданий. Здесь мы опять должны вернуться к вопросу о непосредственной аудитории латвийских газет того времени. В данном случае, латвийское пространство далеко от тех споров, которые велись вокруг романов Мережковского в крупных центрах русской эмиграции (в первую очередь, в Париже). Латвийские издания стремятся привлечь как можно большее количество читателей, которые были очень далеки от всевозможных философских «изысканий» и «сближений». Поэтому наиболее выгодным, в этой связи, является составить портрет исторического писателя, близкого современности, чем говорить о его историософских взглядах. А имя Дмитрия Мережковского должно появляться. Оно находится на слуху в ряду имен *живых классиков*. Поэтому в публикациях о романах Мережковского авторы стремятся в занимательной форме *рассказать* их сюжет, передать в сжатой форме содержание его произведений.

Любопытным примером в этой особой стратегии внедрения чужого имени в инонациональный контекст представляется использование имени Мережковского в таком

---

⁵¹ «Наполеону» Мережковского были посвящены 5 больших статей. Помимо уже упомянутых выше двух публикаций Петра Пильского, следует назвать две статьи на латышском языке (Gailīte, Angelika. Napoleons jaunā apgaismojumā // Daugava, № 8, 1929, с. 116-120; Mauriņš, A. Napoleons kā cilvēks un kara vadonis D.S. Merežkovska apgaismojumā // Artilērijas Apskats, № 7-8, 1929, с. 228-233) и одну рецензию в немецкоязычной прессе Латвии (Ekardt, E.B. Der im Menschenleib gesengene Blib... // Rigasche Rundschau, № 280, 1928, с. 13). В 1934 году на латышском языке (без указания имени переводчика) был опубликован небольшой фрагмент из этого романа (см.: Savadas līnijas Napoleona tēlā. Kā Napoleona redz vēstures rakstnieks un mistiķis Merežkovskis // Pēdējā Brīdī, № 124, 1934, с. 4).

⁵² Подробнее о поиске героя, вождя в Латвии того времени смотрите в книге, посвященной авторитарной культуре Латвии (1934-1940): Hanovs, Deniss, Tēraudkalns, Valdis. Laiks, telpa, vadonis: autoritārisma kultūra Latvijā, 1934-1940. Rīga: Zinātne, 2012. Уже к концу 1930-х гг. «европейская идеология национализма постепенно меняет акцент: на место героической личности (Наполеон, адмирал Гораций Нельсон и др.) на первый план будет выдвинута нация» (Hanovs, Deniss, Tēraudkalns, Valdis. Там же, с. 271).

⁵³ Как известно, эти выступления Мережковского послужили началом полемики между ним и Георгием Адамовичем (подробнее см.: Мережковский, Дмитрий. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., комментарии Олег Коростелев и Александр Николюкин; послесл. Олег Коростелев. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 2001, с. 583-646; с. 613-616).

⁵⁴ Яблоновский, Александр. Навязчивые идеи // Сегодня, № 37, 1927, с. 2.

массовом явлении как кроссворд. В конце 1930-х гг. это имя – одно из частотных в латышском журнале «Кроссворды. Шахматы. Бридж» как «популярного автора исторических романов, русского писателя»⁵⁵.

Главное, к чему стремятся авторы статей о романах Мережковского в Латвии, – познакомить рядового читателя с произведениями одного из знаковых русских писателей XX в., соотнести историческое содержание сочинений Мережковского с современной исторической ситуацией.

«Холодность, абстрактность, рассудочность... Кто только ни говорил этих слов, кто ни обвинял Мережковского в этих грехах! Когда-то это было правдой. Молодой Мережковский влекся к классической красоте, образам древности, олимпийскому бесстрастию <...> Но в этом будто бы холодном писателе живет боец, воин, играют страсти. Всегда он был открывателем литературных земель, безвестных или малоизвестных материков культуры. От увлечения классицизмом, чрез нищезанятие и символизм к богоискательству и неохристианству». Так определяет значение личности и творчества Дмитрия Сергеевича Мережковского Петр Пильский⁵⁶. Именно в этих открытиях «материков культуры» и состоит неоспоримая заслуга Мережковского в представлении большинства латвийских литераторов.

Andrei Gordin / Andrejs Gordins, Reception of D.S. Merezhkovsky's Novels in Latvia: Examining the Latvian Press of the 1920s-30s.

The article is devoted to the reception of D. S. Merezhkovsky's novels in the Latvian periodical press of the 1920s-30s. Special attention is paid to both Latvian-language and Russian-language periodicals of the time. The perception of the personality and works of Merezhkovsky in Latvia include the publication of his works, translations into Latvian, and critical reviews of his works. His ideas and creative method find response in the works of his contemporaries in Latvia, thus becoming part of the national culture. Emergence and various modifications of the artistic relationships between representatives of two different national cultures allow examining the literary process in Latvia in close connection to the European cultural space. The author of the article believes that the presence of Merezhkovsky in Latvian cultural consciousness deserves particular attention from the point of view of the processes that took place in the literary and social life in Latvia of that time.

Key words: D.S. Merezhkovsky, Russian-Latvian literary relations, Russian emigration, periodicals of Latvia of the 1920s-30s.

---

⁵⁵ Имя Мережковского периодически встречается в этих изданиях на протяжении нескольких лет (1936, 1937, 1940), например: *Krustamīkla. Šahs. Bridžs*. № 4, 1936; *Cīrulītis*. № 12, 1938, с. 44.

⁵⁶ Пильский, Петр. О Мережковском (Заметки), с. 2.